

История складывается из наших маленьких жизней и судеб. Временной бег настолько быстр, что мы иногда еле успеваем оглянуться назад, чтобы выхватить мгновение из ускользающего прошлого и запомнить его. Сегодня кажется странным, что до 1996 года на Камчатке существовала проблема телефонной связи с материком, нужно было выстаивать большие очереди в переговорных пунктах и громко кричать «алло», чтобы быть услышанным на другом конце провода, а сегодня даже школьник начальных классов в любое время может позвонить по мобильному телефону своей бабушке, например, в Калининград и пожелать своим детским голосом «спокойной ночи» и неважно, что бабушка будет не очень хорошо слышать, она все равно разберет, что ей проговорило любимое чадо.

Мы забыли, как приходилось ночевать в очередях возле касс аэровокзала, чтобы купить авиабилеты, а сегодня билеты можно заказать, не выходя из квартиры, по интернету.

В начале 60-х годов основным видом передвижения в Корякском автономном округе были собачьи и оленьи упряжки, а самой почетной профессией там считалась профессия каюра. Сейчас любой житель севера умело обращается со снегоходом.

Бесценные свидетельства времени – это наши воспоминания. Иногда эти свидетельства заставляют нас искренне удивляться и с ностальгией переживать какие-то моменты снова и снова.

Книга восьмидесятилетней камчатской журналистки Екатерины Ивановны Дедык (до замужества Наривлич Ёкав Ивановна) «Жизнь прекрасна всегда (судьба чавчувенки)» погружает нас в мир малознакомый и притягательный одновременно. История малочисленных коренных народов Севера и Дальнего Востока просто и талантливо отражена в ее рассказах, читая которые хочется воскликнуть: «Неужели все это было, неужели это было совсем недавно?!»

В этом номере газеты мы начинаем публиковать отдельные рассказы Екатерины Дедык.

Редакционная коллегия газеты «Вести»

Автобиографическая справка (печатается с сокращением)

«Я родилась в 1932 году в тундре во время кочевки недалеко от села Воямполка. До замужества мое имя в паспорте было записано так: *Наривлич Ё́кав Ивановна*. В школе как записали по фамилии отчима, так и осталось. По родному отцу я *Чечулина*, так что наполовину чавчувенка, напо-ловину нымыланка. Христианское имя мое – *Кате-рина*.

Восемь лет, с 1950 по 1958, я училась в Ленин-граде. Первые три года – на подготовительном от-делении. Это равносильно окончанию десятилетки. А затем пять лет вуза. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт име-ни А.И. Герцена, факультет русского языка и ли-тературы, получила специальность преподавателя родного (корякского) языка и литературы. Хоро-шую школу прошли мы в северной столице. Наши-ми преподавателями были известные североведы: Петр Яковлевич Скорик, Татьяна Александровна Молл, Лев Васильевич Беликов.

В 1958 году вернулись с подругой из Ленинграда в Палану, и началась новая жизнь. Подруга устроилась преподавать в школу. А я пошла работать на окруж-ное радио и стала журналистом. Обзавелась семьей. Стала носить фамилию мужа – Дедык. Один за другим родились у нас четверо сыновей. Сейчас я бабушка семерых внуков. Уже есть внучка и правнучек...».

Моя семья

В тридцатые годы в воямпольской тундре содержали семейные стада. Одно из них принадлежало деду Альвачу. Он был очень добрым, работающим. Его жена, бабушка Кляан была бездетной, поэтому все племянники с семьями жили с ними в одной большой юрте. В стойбище Воямпольки дедушкина семья была многочисленной. Очень много было внуков. Жизнь была похожа на маленькое государство, где главным был дед Альвач. Все были при деле, а руководил всеми делами сам дед: мужчины ловили рыбу, следили за оленями, женщины собирали лесные богатства: ягоду, черемшу, кимчигу, сарану, сушили на зиму траву, чтобы оленеводы имели всегда сухие стельки для обуви. В общем, работа кипела.

Мой папа Омке (Иван) был очень веселым парнем. Папа из близнецов, родом из Карагинского района. Его брат-близнец Эгылнын, в переводе с корякского – «волк», прожил дольше, чем папа. Старшая сестра их, Коян, часто мне говорила: «Запомни, племянница, что мы из Карагинского района, из рода Чечулиных». Так что моя родная фамилия – Чечулина, значит, мы из рода береговых коряков-нымылан.

По облику дяди Эгылнына можно определить его происхождение. Он был красивым, только ростом не вышел, совсем небольшой. Как братья сохранились, не знаю. Дело в том, что в старину рождение близнецов у коряков и ительменов было очень редким, чуть ли не сверхъестественным. Объясняли, что один близнец не должен жить, потому что он от волка. Наверно, дядю поэтому и называли Волком, Эгылнын по-корякски «волк».

По-русски его звали Василием. Дядя очень огорчился, что брат Омке рано умер:

– Лучше бы я, а не он;

– Не надо, дядя, так говорить, хорошо, что ты живой.

Из пенсии обязательно одарит немного деньгами. Это вот в шестидесятые годы, совсем недавно.

Папа мой был веселым юношей, к нему просто липли девушки. Веселый балагур, красивый парень. Но он обратил внимание на мою маму, совсем еще девчонку, с длинными густыми черными косами, бабушкину любимицу. У них была своя меховая палатка. Маме, наверно, было 16 лет, когда папа взял ее в жены. Находясь в табуне, папа часто внезапно приходил в стойбище к любимой жене Марине.

Дед Альвач над ними подшучивал:

– Омке, ну что ты как угорелый влетаешь в чум, смотри, подпорки с чума уронишь. Никуда не де-нется твоя Марина.

Мама потом говорила мне:

– Ава (так ласково звала меня мама, и до сих пор иногда меня кличут Авой), когда я вышла замуж, мне так хотелось покататься с горок, где мои подружки резвились.

Потом папа забрал маму в табун. Она уже была на сносях. Еще очень наивная девочка, не знала, что скоро должна рожать. Только поставили юрту, настелили веток, и мама разродилась. Буквально выронила на ветки малышку. Трясущимися руками тетя Ульяна кое-как отрезала пупок. Ульяна – пер-вая жена моего дяди Трифона. Быстро надели на малышку меховой комбинезон и уложили в полог. Началась радостная суматоха:

– У Омке родилась дочь!

А папе очень хотелось сына.

– Ну, ничего, Омке, потом будет сын, – весело успокаивали молодого отца.

На улице уже женщины разделявали жирного оленя. Быстро сварили кровяной суп, чтобы у ро-женицы появилось молоко. А сперва тетя Ульяна кормила меня грудью, у нее тоже недавно родился сынок, мой двоюродный брат Эвъяйле.

Потом мы оказались в поселке. Папа стал рабо-тать в сельском совете, он подучился писать, счи-тать. Стал грамотным по тем временам человеком. 1932 год – люди стали учиться.

Мама была очень ревнивая, потому что папу очень все любили. Веселый, вечно везде бывал, в общем, на-верно, любил веселых девушек. Если задержится где-нибудь, утром в избенке начинался домашний театр. Начиналась погоня за папой, а он, ловкий, вокруг сто-ла с хохотом носится, за ним бежит мама, за мамой бабушка. А я сижу тихо в углу и не могу понять, что это за беготня. Потом объяснения папины:

– Ты знаешь, мы вчера выпили, и мне не хоте-лось пугать детей.

И вот доверие к отцу закончилось. Теперь я, как хвост, за ним везде: вот идет на работу, и я за ним тоже иду, не отставая. Однажды, видимо, задела ветку у кочки, папа быстро оглянулся и с такой ла-ской и жалостью произнес:

– Ах ты, моя маленькая, ты давно за мной идешь? Это мама послала?

Придя домой, подробно рассказываю, как папа работал, в общем, была разведчицей. Мама меня отпускала с ним, даже если папе нужно было ехать в какой-нибудь табун.

– Омке, с тобой поедет дочка, – просто говорит мама.

Отец, усмехаясь, соглашается. Вот одну такую поездку никогда не забуду. Картина перед глаза-ми: мы на лошади, папа привязал меня платком к себе, и мне очень удобно, я его так крепко обхва-тила. Было лето, тепло, и мы вдвоем по морскому берегу едем.

Ветерок, морской шум, на земле красуются разноцветные камни, ракушки. Едем почти молча, только иногда папа проверит, правильно ли я сижу. Вот и дошли до стада. На костре уже что-то в котлах варится, много чайников подвешено.

– Будешь чай пить?

– Нет, – отвечаю, а сама все внимание обращаю на папу.

– Доченька, давай садись, побудем, потом поедем к маме, – очень ласково говорит мне.

– Я ничего не хочу, поедем к маме.

Даже не заночевав, вынуждены вернуться.

Тут уж я как разведчица подробно рассказываю, как на коне ехали, кого встретили в юрте. А маме очень хочется узнать, какие там были тети. А я как взрослая старалась говорить.

– Мама, тетя меня угощала мясом, но мне ничего не хотелось есть. Мне было скучно, я хотела домой.

Вот какой мой папа. Мой сын Марк (Катин отец) очень похож на деда. Тоже любит поболтать, в общем, характер веселого человека. Его жена Марина тоже очень его ревновала, поэтому и разошлись. Гены – ничего не поделаешь.

Папа рано ушел от нас. Я хорошо запомнила его, лежащего в палатке. Бегаю, не понимая о смерти, только подойду, приоткрою закрытое лицо. Видимо, у него было высокое давление, потому что из носа текла кровь.

Итак, мы остались одни. О маме-вдове быстро узнали в других стойбищах, и за нами приехал мужчина. Забрал всю семью в Верхнюю Палану-Кочевую. Мужчина оказался извергом, драчуном. Что только мы не испытали от пьяного человека. Мама быстро ушла от него.

А потом появился старичок-эвен по фамилии Наривлич. Каким образом мама согласилась выйти за ста-рикашку? Его дочь – ровесница маме. Мы были еще малы, не могли противостоять замужеству. Родились еще дети: Ваня и Валя. Он ничем не помогал, как была мама одинокой, так и осталась.

Переезд в Палану

Наше стойбище – очень красивое место. Та-кая природа! Тополиные рощи. Тут и там виднеются уютные семейные юрты.

Переезд в Палану произошел в 1939 году. Как-то просыпаемся: мы одни, жителей нет. Оказывается, многие снялись с места. Кто на плотах, кто на ло-шадях. Все ушли в Палану. Наша семья: бабушка, мама, братишка, новорожденная девочка и я. Мама сказала бабушке, что она знает дорогу в Палану. Собрали скарб: немного продуктов, собаку со ще-нятами, готовые сухие жерди для палатки, за спи-ной у мамы висит мешок травяной с лялькой – вот и все.

Сначала идти было очень интересно, часто останавливались на ночлег, подальше от гор, чтобы обзор был хорошим. Иногда нас догоняли люди с обозами на лошадях. Но утром они быстро запря-гали лошадей и уходили. А мы так и шли пешком. Уже стали уставать, хныкать, поэтому еще засветло останавливались на ночлег. Мама быстро ставила хижину, соединяла жерди, а сверху накрывала их дырявой тканью от старой палатки. Сверху на жер-ди вешала красный лоскуток.

– Мама, зачем это?

Она отвечала нам: «Чтобы прохожие знали, что мы – советские люди».

Наверное, где-то на собрании слышала об этом. Вот уляжемся в шалаше-вигваме на сухую землю. Я помню, что очень боялась муравьев. Вечером через дырочку в ткани рассматривала красивое небо, все в звездах. Почему-то в пути нас ни разу не застал дождь. Так мы двигались целый месяц. Мы очень устали. Где-то на долгом, крутом подъеме я решила: все, дальше не пойду! Уселась, поджав коленки, у большого березового корня. Мне так хорошо, чуть- чуть дует теплый ветерок. Лес весь в зелени. Я уже почти засыпаю, но слышу мамин ласковый голос:

– Ава, доченька, где ты! Откликнись, а то скоро стемнеет.

Я упорно молчу, потому что мне никуда не хочется идти.

– Ах, вот где ты! Доченька, потерпи. Поднимем-ся, а потом будет спуск. Ты знаешь, куда мы идем? Там увидите диких зверей – свиней.

Ну, все, теперь у меня есть цель, надо идти.

– Мама, скоро дойдем?

– Да, да. Еще чуть-чуть и вы увидите большое село, там много интересного!

– А когда увидим свиней?

– Скоро-скоро. Еще чуть-чуть. Надо пройти бо-лото, а там мы будем на месте.

Наконец через месяц добрались до Паланы. Нас уже собирались искать. В Палане сначала поселили в палатках. Начался какой-то мор, многие дети погибли. Сестреночка грудная тоже умерла, а брата положили лечиться. Мама забрала его из больницы, потому что он там ничего не ел. Принесла «скелет» домой. Еле выходили. Об этой эпидемии почему-то я нигде после не читала. Что за болезнь появилась у переселенцев? Коренные дети в Палане не болели. Болели переселившиеся. Очень многие семьи тогда потеряли своих детей.

Гроза

Летом жители поселков перекочевывают на свои летники. Рядом с Паланой некогда был очень удобный летник. Место возле скал. Была там небольшая горка, а к ней как будто были приклеены скалы. На горе когда-то долго оставалось небольшое, округлой формы место, как будто специально для жилища. С этой горы все окрест видно, как на картине. Красивое место, и река, еще полноводная, со всеми речушками. Дальше горы, горы.

Там рядом с другими жителями мама поставила нашу палатку. Все лето заготавливали рыбу, а к осени, к школе все покидали это место.

Наступила осень. Все ушли: спешили к школе. А мы, как всегда, задержались. Мама сказала:

– Дети, поживем пока здесь, отсюда будете ходить в школу.

Так и сделали. Хорошо, что до Паланы рукой подать. Но коварная скалистая тропа проходила прямо над обрывом. Крутой берег, а внизу полная, глубоководная река бурлила прямо в низовьях горы.

В ненастье тропа становилась очень скользкой. Когда идешь в кожаных торбазиках, то нечем ногой зацепиться: подошвы гладкие, как лыжи. Вот по этой тропе мы в начале осени ходили в школу. Надо было очень рано вставать, чтобы успеть к началу уроков. Однажды мама сказала бабушке:

– Мама, сегодня поведу тебя с лялькой в Палану, а потом приду за детьми.

Так решили. Мама с бабушкой и грудным ребенком ушли в Палану. А мы с братом после школы вернулись назад, стали ждать маму. Уже стало вечереть. Ваня решил:

– Ава, пойдем в Палану!

– Нет, мама велела никуда не ходить, а дожидаться ее, – говорю.

Очень быстро стало темнеть. Тут уж начал ка-нючить упрямец-братец:

– Тогда пойду один!

Ну, думаю, что решит – исполнит. Тогда и я начала собирать котомку нехитрых вещей и согласилась – пойдем! Только дошли до тропы, такой ураган поднялся, все потемнело, гром, молния. Дождь льет как из ведра. Мигом намочились до ниточки. Но шли. В торбазиках летних скользим по каменистой тропке. Хватаемся за траву, но упорно идем. Совсем стемнело, гром, ливень. И тут вдруг на счастье навстречу нам – дядя Кихляп. Он шел на летник по своим делам.

– Дети! Что вы тут делаете? Почему одни?!

Ваня сказал:

– Мы без мамы. Она ушла, обещала прийти за нами, а я не хочу оставаться в палатке.

– Ну, давайте, держитесь за меня, сейчас дойдем до села.

А мама в это время в темноте в грозу шла из Па-ланы за нами. Она шла по другой дороге, ближе к домам. Случайно встретились, а могли бы и разми-нуться. Мы расплакались.

– Зачем ты нас оставила в палатке?

Она, конечно, пожурела нас, а дядя успокаивал:

– Ничего, Марина, все в порядке.

Мама ободряла нас:

– Сейчас бабушка обрадуется, она очень вол-нуется.

Мы дошли до дома мокрые, но счастливые. Очень благодарили дядю Нутанкавава за помощь. Бабушка нас встретила со словами:

– Это, конечно, упрямец Иван затеял все это.

– Да, мама! Я не хотела, а он решил один уйти.

Вроде бы небольшая история, но когда вспоми-наю, мне становится так страшно! А что, если бы скатились со скользкой тропинки в обрыв, где про-текала глубокая река? Не знаю, что было бы с нами. А мама? Наверно, она с ума сошла бы, ища нас в темноте. Есть в жизни счастливые случайности. Ну, вот дядя Кихляп мог бы в дождь дома оставаться, но он пошел в грозу на летник. Все же есть Божень-кины старания, он все видит и помогает. Так мы вернулись с летника. Бабушка потом, когда успо-коилась, сказала маме:

– Марина, никогда не совершай необдуманных действий.

Она все поняла по-своему, но смысл тот же: «Есть силы, которые нам всегда помогают в тяже-лые моменты жизни».